

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ! ПРОЛЕТАРІ ВСІХ КРАЇН, ЄДНАЙТЕСЯ! ПРОЛЕТАРЫІ УСІХ КРАЇН, ЗЛУЧАЙЦЕСЯ! PROLETARNOJ!
ՄԱՍՈՒ ՇՈՒՈՆ, ԴԱԿ ՏՎԵԴԻՒ ԵՄՄՆ ՅԼԿՆԼՔՐԻՆ ՍՐՕԼԵՏԱՐԼԱՐԵՒ, ԲԻՐԼՔՏԻՆԻՅԻ - ԳՐՈԼԵՅԱՐՆԵՐ ՔՈԼՈՐ ՆԵՐԿՆԵՐԻ ՄԻԱՅԵՄԻ . . . პროლეტარებო ეხმარა ქვეყნებს, შეერთდით!

Цена номера — 10 коп.

ГОД ИЗДАНИЯ 18-й

ИЗВЕСТИЯ

Центрального Исполнительного Комитета
СОЮЗА
СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
И
Всероссийского Центральн. Исполнительного Комитета
СОВЕТОВ
Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов

1934 г.

СУББОТА

14

ИЮЛЯ

№ 162 (5410)

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

К ТРИДЦАТИЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ А. П. ЧЕХОВА

О. Книппер-Чехова.

А. П. Чехов последние шесть лет — таким я знала его: Чехова, слабого физически и крепкого духовно, — Чехова, как-то необыкновенно просто, мудро и красиво относящегося к разрушению своего тела из-за того, что «бес вложил в меня базилл».

Впечатление этих шести лет Чехова — какого-то беспокойства, метания, — точно чайка над океаном, не зная, куда присесть: смерть отца, продажа Мелихова, продажа своих произведений Маркуе, покупка земли под Ялтой, устройство дома и сада, и в то же время сильное тяготение к Москве, к новому, свежому театральному делу; метание между Москвой и Ялтой, которая казалась уже тюрьмой; женитьба, поиски клочка земли недалеко от трогательно любимой Москвы и уже почти осуществленные мечты, — ему разрешено было врачами провести зиму в Средней России, — мечты о поездке по северным рекам, в Соловки, в Швецию и Норвегию, в Швейцарию, и мечта последняя и самая сильная, уже в Шварцвальде, в Баденвейлере, перед смертью — ехать в Россию через Италию, мавишную его своими красками, соком жизни, главное, музыкой и предметами, — и все эти метания, все мечты были прикованы 2/15 июля его собственными словами: «Ich sterbe» («Я умираю»).

Мы увиделись впервые и познакомились 9 сентября 1898 г. — знаменательный и на всю жизнь незабываемый день.

Никогда не забуду ни той трепетной возбужденности, которая овладела мною

еще накануне, когда я прочла записку Владимира Ивановича о том, что завтра, 9 сентября, А. П. Чехов будет у нас на репетиции «Чайки», ни того необычайного состояния, в котором шла я в тот день в Охотничий клуб на Воздвиженке, где мы репетировали, ни того мгновения, когда я в первый раз стояла лицом к лицу с А. П. Чеховым.

И все мы были захвачены необыкновенным, тонким обаянием его личности, его простоты, его неумения «учить», «показывать». Не знали, как и о чем говорить... А он смотрел на нас, то улыбаясь, то вдруг необычайно серьезно, с каким-то смущением, пощипывая бородку и вскидывая пенсне... Недоумевал, как отвечать на некоторые вопросы, а мы-то думали, — вот придет автор и откроет нам все тайны, как надо играть «Чайку». Он отвечал как-то неожиданно, как будто и не по существу, как будто и общее, и мы не знали, как принимать замечание, — серьезный или в шутку. Но так казалось только в первую минуту, и сейчас же, подумав немного, чувствовалось, что это сказанное как бы вскользь замечание начинало проникать в мозг и душу, и от едва уловимой характерной черточки начинала вырастать вся суть человека.

И с этой встречи начал медленно затягиваться сложный узел моей жизни.

Зимой 1898—1899 г. мы сыграли «Чайку» с большим успехом и весной показывали пьесу автору, приехавшему снова в Москву. Большой успех «Чайки», знакомство с Чеховым, радостное сознание, что у нас есть «свой», близкий нам автор, которого мы нежно любили, — все это радостно возмывало нас.

Этой весной я познакомилась ближе с Чеховыми и как-то сразу полюбила всю атмосферу их семьи. Этой весной я ездила на три в Мелихово — небольшое имение Антона Павловича, верстах в 12 от ст. Лопасня Курской жел. дор., и все решительно пленило меня там: плелись радужные

относятся первые наши письма. Еще в Москве я обещала приехать с Кавказа в Крым, где Антон Павлович купил участок земли и строил дом. Письмами мы стоворились встретиться на пароходе в Новороссийске около 20 июля и вместе приехали в Ялту, где я остановилась в семье д-ра Л. В. Средина, с которой была дружна вся наша семья, а Антон Павлович жил на набережной в гостинице Марино, откуда он ходил ежедневно на постройку своего дома в Аутку, плохо питался, так как никогда не думал о еде, уставал, и, как мы со Срединым ни старались зазывать его под разными предлогами, чтобы устроить ему нормальное питание, — это удавалось очень редко: Антон Павлович не любил ходить «в гости» и избегал обедов не у себя дома, хотя к Срединым он относился с симпатией. У них было всегда так просто и радушно, и все, что бывало в Ялте из мира артистического, литературного и музыкального, все это посещало всегда Срединых (Горький, Найденов, Аренский, Васнецов, Ермолова).

В августе мы с Антоном Павловичем вместе уехали в Москву и ехали на лошадах до Бахчисарая, через гору Ай-Петри... Хорошо было покачиваться на мягких рессорах, дышать напоенным испарением сосны воздухом и болтать в милом, шутливом чеховском тоне, и подрывать, когда сильно припекало южное солнце и морило душу зноем...

В Москве Антон Павлович пробыл недолго и в конце августа уехал обратно в Ялту, а уже с 3 сентября начинается наша переписка. В конце марта 1900 г. труппа Художественно-Общественного театра решила приехать в Крым с пьесами «Чайка», «Дядя Ваня», «Одинокие» и «Гедда Габлер».

Я приехала еще на страстной с Марьей Павловной, и как казалось уютно и тепло в новом доме Антона Павловича, который летом только еще строился и был нежилым... Все интересно, каждый шаг: Антон Павлович любил ходить и показывать и

рассказывать, чего еще нет и что должно быть со временем, и, главное, занимал его сад, фруктовые посадки...

По утрам Антон Павлович обыкновенно сидел в саду и при нем всегда были адютанты — две собаки, дворняжки, которые откуда-то появлялись и приживались очень быстро благодаря симпатии, с которой Антон Павлович относился к ним, и два журавля с подрезанными крыльями, которые были всегда около людей, но в руки не давались.

В это же время был в Ялте и А. М. Горький, входивший в славу тогда быстро и сильно, как ракета. Он бывал у Антона Павловича, и как чудесно, увлекательно, красочно рассказывал о своих скитаниях. И он сам, и то, что он рассказывал, — все казалось таким новым, свежим, и долго и молча сидели мы в кабинете Антона Павловича и слушали, слушали...

Тихо, уютно и быстро прошла страстная неделя, неделя отдыха, и надо было ехать в Севастополь, куда прибыла труппа Художественного театра. Уже начались приготовления к спектаклям, приехал Антон Павлович, и жизнь закружилась... Начался какой-то весенний праздник...

Переехали в Ялту, и праздник стал еще ярче, нас буквально засыпали цветами... И закончился этот праздник феерией на крыше дачи гостеприимной Ф. К. Татаринцевой, которая с такой любовью относилась к нашему молодому театру и не знала, как и чем выразить свое поклонение Станиславскому и В. П. Немировичу-Данченко, создавшим этот театр. Артисты приезжали часто к Антону Павловичу, обедали, бродили по саду, сидели в уютном кабинете, и как правило все это Антону Павловичу — он так любил жизнь подвижную, кипучую, а тогда у нас все упало, кипело, радовалось...

Жаль было расставаться и с югом, и с солнцем, и с Чеховым, и с атмосферой праздника... Но надо было ехать в Москву репетировать. Вскоре приехал в Москву и Антон Павлович, — ему казалось пусто в Ялте после жизни и смутнения, которые внес приезд нашего театра, но в Москве он почувствовал себя нездоровым и быстро вернулся на юг.

Я в конце мая уехала с матерью на Кавказ, и каковы были удивление и радость, когда в поезде Тифлис—Батум я встретила Антона Павловича, Горького, и

Васнецова, д-ра Алексина, ехавших в Батум. Ехали мы вместе часов шесть до ст. Михайлово, где я с матерью пересела на Боржомскую ветку.

В юле я снова гостила у Чеховых в Ялте.

Переписка возобновляется с моего отъезда в Москву в начале августа по 23 октября и прерывается приездом Антона Павловича в Москву с пьесой «Три сестры» до половины декабря, когда Антон Павлович отправляется на юг Франции, в Ниццу, где он прожил около трех месяцев, сильно волнуясь ходом работ в театре над постановкой «Трех сестер».

В Москве он смотрел «Когда мы мертвые пробуждаемся». К Ибсену Антон Павлович относился как-то недоверчиво и с улыбкой, — он казался ему сложным, непростым и умствующим. Постановке «Свегурки» А. П. тоже не очень сочувствовал; он говорил, что мы пока не должны ставить такие пьесы, а придерживаться пьес типа «Однопопых». Переписка тянется с 11 декабря 1900 г. по 18 марта 1901 г. В начале апреля я ненадолго приехала в Ялту, а с половины апреля идет опять переписка.

Таковы были внешние факты. А внутри росло и крепло чувство, которое требовало каких-то определенных решений, и я решила соединить мою жизнь с жизнью А. П.

В половине мая 1901 г. Антон Павлович приехал в Москву. 25 мая мы повенчались и уехали по Волге, Каме, Белой до Уфы, откуда часов 6 по жел. дор. в Андреевский санаторий около ст. Аксеново. По дороге навестили в Нижнем-Новгороде А. М. Горького, отбывавшего домашний арест.

В Аксеново Антону Павловичу нравились природа, длинные тени по степи после шести часов, фырканье лошадей в табуле, нравились флора, река Дема (Аксеновская), куда мы ездили однажды на рыбную ловлю. Санаторий стоял в прекрасном дубовом лесу, но устроен был примитивно, и жить было ему неудобно при минимальном комфорте. Даже за подухами пришлось мне ехать в Уфу. Кумы сначала пришлось по вкусу Антону Павловичу, но вскоре надоел, и, не выдержав 6 недель, мы отправились домой в Ялту через Самару по Волге до Царицына и на Новорос-

сийск. До 20 августа мы пробыли в Ялте, затем мне надо было возвращаться в Москву, — возобновлялась театральная работа.

И опять начинаются разлуки и встречи, только расставания становятся еще чувствительнее и мучительнее, и уже через несколько месяцев после первой же из них я стала сильно подумывать, не бросить ли сцену. Но рядом вставал вопрос, — нужна ли Антону Павловичу просто жена, оторванная от живого дела; я чувала в нем человека-одиночку, который, может быть, тяготился бы ломкой жизни своей и чужой. И он так дорожил связью через меня с театром, возмудившим его живейший интерес.

Я невольно с необычайной остротой вспомнила все эти переживания, когда много лет спустя, при издании писем Антона Павловича, я прочла его слова, обращенные к А. С. Суворину еще в 1895 г.: «Извольте, я женюсь, если вы хотите этого. Но мои условия: все должно быть, как было до этого, то есть она должна жить в Москве, а я — в деревне (он жил тогда в Мелихове), и я буду к ней ездить. Счастья же, которое продолжается изо дня в день, от утра до утра, я не выдержу. Я обещаю быть великолепным мужем, но дайте мне такую жену, которая, как луна, являлась бы на моем небе не каждый день».

Я не знала тогда этих слов, но чувствовала, что я нужна ему такая, какая я есть, и все-таки после моей тяжелой болезни в 1902 году я опять серьезно говорила с нашими директорами о своем уходе из театра, но встретила отпор.

С этой поры жизнь А. П. больше, чем прежде, делится между Москвой и Ялтой; начались частые встречи и провозы на Курском вокзале и на вокзале в Севастополе. В Ялте «надо» было жить, в Москву «тянуло» все время. Только зиму 1903—1904 года доктора разрешили ему провести в столице, и как он радовался и удивлялся на настоящую московскую снежную зиму, радовался, что можно ходить на репетиции, радовался, как ребенок, своей новой шубе и бобровой шапке!

Первое представление «Вишневого сада» было днем чествования Чехова литераторами и его друзьями. Его это утомляло, он не любил показных торжеств.

торжеством в театре, и первое представление последней его пьесы тоже было торжеством, но как непохожи были эти два торжества! Было беспокойно, в воздухе висело что-то зловещее. Не знаю, может быть, теперь эти события окрасились так благодаря всем последующим, но что не было ноты чистой радости в этот вечер 17 января, — это верно. Антон Павлович очень внимательно, очень серьезно слушал все приоткрытое, но временами он вскидывал голову своим характерным движением, и казалось, что на все происходящее он смотрит с высоты птичьего полета, что он здесь не при чем, и лицо освещалось его мягкой, лучистой улыбкой, и появлялись характерные морщины около рта, — это он, вероятно, услышал что-нибудь смешное, что он потом будет вспоминать и над чем неизменно будет смеяться своим детским смехом...

Вообще Антон Павлович необычайно любил все смешное, все, в чем чувствовался юмор, любил слушать рассказы смешные и, сидя в уголке, подперев рукой голову, пощипывая бородку, заливался таким заразительным смехом, что я часто бывало, переставала слушать рассказчика, воспринимая рассказ через Антона Павловича. Он очень любил фокусников, клоунов.

Даже за несколько часов до своей смерти он заставил меня смеяться, выдумывая один рассказ. Это было в Баденвейлере. После трех тяжелых, тревожных дней ему стало легче к вечеру. Он послал меня пробежаться по парку, так как я не отлучалась от него эти дни, и, когда я пришла, он все беспокоился, почему я не иду ужинать, на что я ответила, что гонг еще не прозвонил. Гонг, как оказалось после, мы просто проспавали, а Антон Павлович начал придумывать рассказ, описывая необычайно модный курорт, где много сытых, жирных банкиров, здоровых, любящих хорошо поесть краснорозетных англичан и американцев, — и вот все они, как экскурсия, кто с катания, с пешеходной прогулки, одним словом, отовсюду собираются с мечтой хорошо и сытно поесть после физической усталости дня. И тут вдруг оказывается, что повар бежал и ужина никакого нет, — и вот как этот удар по желудку отразился на всех этих избалованных людях...

Я сидела, пригорнув на диване после тревоги последних дней, и от души смеялась. И в голову же могло прийти смеяться, и через несколько часов я буду стоять перед мертвым телом Чехова!

В последний год жизни у Антона Павловича была мысль написать пьесу. Она была еще не ясна, но он говорил мне, что герой пьесы, ученый, любит женщину, которая или не любит его, или изменяет ему, и вот этот ученый уезжает на дальний Север. Третий акт уже представлялся именно там: стоит паром, затертый льдами, северное сияние, ученый одиноко стоит на палубе, тишина, покой и величие ночи, и вот на фоне северного сияния он видит — проносится тень любимой женщины...

***

Антон Павлович тихо, спокойно отошел в другой мир. В начале ночи он проснулся и первый раз в жизни сам попросил послать за доктором. Ощущение чего-то огромного, надвигающегося придавало всему, что я делала, необычайный покой и точность, как будто кто-то уверенно вел меня. Помню только жуткую минуту потерянности: ощущение близости массы людей в большом спящем отеле и вместе с тем чувство полной моей одинокости и беспомощности. Я вспомнила, что в этом же отеле жили знакомые русские студенты — два брата, и вот одного я спросила бежать за доктором, сама пошла колотить лед, чтобы положить на сердце умярающего. Я слышу, как сейчас, среди давящей тишины польской мучительно душной ночи звук удаляющихся шагов по скрипучему песку...

Пришел доктор, велел дать панпанского. Антон Павлович сел и как-то значительно громко сказал доктору по-немецки (он очень мало знал по-немецки): «Ich sterbe». Потом взял бокал, повернул ко мне лицо, улыбнулся своей удивительной улыбкой, сказал: «Давно я не пил шампанского...», по-коному выпил все до дна, тихо лег на левый бок и вскоре умолкнул навсегда... И страшную тишину ночи нарушила только, как вихрь, ворвавшаяся огромных размеров черная ночная бабочка, которая мучительно билась о горющие электрические лампочки и металась по комнате.

Ответственный редактор Н. И. БУХАРИН
Издатели: ЦИК Союза ССР и Всесоюз. ЦИК Советов Раб., Крест. и Красноарм. депутатов.